

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

РАЗВЕДЧИКИ

Артем Владимирович Драбкин

Разведчики

Серия «Война. Я помню.
Проект Артема Драбкина»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34342015
Разведчики: Яуза; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-092123-2

Аннотация

Разведка – глаза и уши армии...

Этой простой фразой описывается вся важность разведки. Но как описать, что такое разведка?

В наградном листе на одного из разведчиков написано: «неоднократно выполнял задания командования по разведке и захвату контрольных пленных». Что стоит за этим «неоднократно выполнял»? Чего стоил каждый поиск за линию фронта, захват «языка»? Об этом знают и могут рассказать только сами разведчики. И каждое их свидетельство на вес золота – потому что шансов уцелеть у них было на порядок меньше, чем у других фронтовиков.

Новая книга проекта Артема Драбкина – это как раз такой рассказ разведчиков. Тех, кто «рвал проволоку, брал «языка», тех, без кого Победа была просто невозможна.

Содержание

Князик Леонид Евсеевич	5
Белоклоков Анатолий Ермолаевич	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Разведчики

Фотография на обложке: Олег Кнорринг / РИА Новости

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Князик Леонид Евсеевич

Леонид Князик в годы войны

Родился в июле 1924 года в городе Днепропетровске. Отец еще до революции окончил юридический факультет университета в Бельгии, а мама была доктором. Порядочные, честные и интеллигентные люди, обладавшие высокой культурой. Жили мы бедно. В 1941 году, «перескочив» экстерном через один класс, я закончил среднюю школу с «золотым аттестатом», поступил на рабочий факультет Днепропетровского металлургического института (ДМИТИ) и направил свои документы в Харьковский авиационный институт. Ждал вызова на учебу, но война разрушила все мои планы. Я остался в городе, был принят в ДМИТИ. Нас, студентов, отправили на рытье противотанковых рвов на линии обороны, в 30 километрах от города. О том, что происходит на фронте, мы знали отрывочно. За несколько дней до падения города к нам «на окопы» приехал на грузовике один из начальников с металлургического завода и сказал: «Быстро собирайтесь!» Если бы не он, мы бы угодили в лапы к немцам. Возвратился в Днепропетровск. Маму мою призвали в армию военврачом еще в первый день войны. Проживавшие с нами в одной квартире моя родная тетя вместе с сыном Изей эвакуировались на восток. Ее сын, мой двоюродный брат и одноклассник, умница и красавец Исаак Яновский, вскоре ушел в армию и был убит в Севастополе. Мы с отцом решили покинуть город. Думали, что уезжаем ненадолго, ве-

щей с собой не брали, были убеждены, что уже очень скоро положение на фронте выровняется и наша армия погонит немцев на запад. Наш состав с эвакуированными из Украины ушел на Кавказ, мы оказались в городе Прохладном, в Кабардино-Балкарии. В армию меня не взяли, я еще не достиг призывного возраста. Я узнал, что в Орджоникидзе (Владикавказ) есть Институт цветных металлов и золота, и осенью сорок первого года, не желая терять время до призыва, поступил туда на учебу. Весной сорок второго года всех студентов института перевели на «бронь», а летом нас отправили на окопные работы, на подступы к городу. Немцы подходили к Орджоникидзе, институт стал готовиться к эвакуации в Алма-Ату. Мои товарищи-студенты говорили мне: «Не уезжай, если немцы придут, мы тебя в горах в своих аулах спрячем». Но я решил отправиться на восток, многие студенты уезжали вместе с рабочими электроцинкового завода. Доехал до Ташкента и там сошел на вокзале – направился к родне, желая найти отца, уехавшего в Азию раньше меня. Родня мне сказала, что отец каждый день ходил на вокзал в надежде встретить меня, но именно сегодня утром он уехал на Урал, к своей сестре. И я остался в Ташкенте, учился дальше. Жил в общежитии Ташкентского (бывшего Харьковского) института инженеров железнодорожного транспорта, по ночам работал, с товарищем «делил одну ставку», трудились по очереди. Получали рабочую хлебную карточку, это спасало от голода. Студенты ТИИЖД в армию почти не призывались.

И мне стало стыдно, вся страна воюет, брат на фронте, а я – «в тылу загораю». В январе 1943 года пришел в военкомат и попросился на фронт добровольцем. Мне ответили: «У тебя, парень, бронь от призыва до окончания войны, а стране нужны грамотные квалифицированные специалисты. Иди и учись дальше. Когда понадобишься, мы тебя сами найдем!» Но я продолжал несколько месяцев подряд периодически ходить в военкомат, надоедал там всем, доводил работников до «белого каления». Кончилось все тем, что я заявил городскому военкому: «Родина в опасности, а вы тут сидите в тылу и галифе протираете, совсем совесть потеряли!» И после этих слов военком, молча, руками отодвинулся от стола и встал, зашелкнув протезы на ногах. Он был фронтовой инвалид, без двух ног! Но я-то этого не знал и протезов в начале нашего «теплого» разговора не видел... Стал извиняться, а военком спрашивает: «Когда готов к призыву?» – «Хоть сию минуту». – «Завтра придешь с вещами в восемь часов утра». На следующий день меня отправили во 2-е Туркестанское пулеметное училище, расположенное в туркменском городе Мары. Май 1943 года. Жара, все учения в раскаленных песках пустыни. Климат жуткий. Постоянные изнуряющие марш-броски с ограничением питьевой воды. Командир курсантского взвода попался сволочной тип, с садистскими наклонностями, поставивший своей целью загнать в могилу худого и забитого курсанта Борю Симкина. На учения мы отправлялись бегом, на расстояние три километра от училища, так

взводный заставлял, чтобы станок от пулемета на себе таскал только Симкин. Да и под ребристый ствол «максима» нам запрещалось что-то подложить, ребята ходили со стертymi в кровь плечами. Курсанты изучали только пулемет «максим». Училище большое, примерно 800 курсантов в наборе. Было даже свое подсобное хозяйство. Носили обычную солдатскую форму б/у, курсантского обмундирования у нас не было. В училище я подружился с двумя курсантами: боксером, полтавчанином Толей Ефремовым и Женей Быковым, погибшим в 1944 году. Мы стали поддерживать друг друга. В начале осени 1943 года прибегает Ефремов и говорит, что объявили «комсомольский набор», что на стенде возле столовой вывешен плакат – «Желающие поехать на снятие блокады Ленинграда могут записаться у замполита». Нам надоела курсантская ляжка, мы уже не хотели быть офицерами, да и, по слухам, срок учебы в училище должен был увеличиться до одного года вместо «обещанных» пяти месяцев. Часть курсантов стали посылать на охрану границы, и мы просто боялись, что не успеем на войну с немцами. Пошли втроем к комиссару, наши фамилии записали, и уже через неделю нас, добровольцев, послали в Саратовскую область, где формировались и комплектовались эшелоны с пополнением на Ленинградский фронт. Нас погрузили в вагоны, и состав двинулся. В дороге почти не кормили, каждый добывал себе пропитание, как мог. Наш сопровождающий, какой-то капитан, окружил себя толпой подхалимов и по дороге про-

давал и пропивал наши харчи. К Ладоге подъехали, и этого капитана пришли арестовывать «особисты», потом нам говорили, что капитан расстрелян по приговору военного трибунала. Приехали в Ленинград, там нас продержали восемь дней в запасном полку, а потом привезли в дивизию, под Ораниенбаум. Всех «новеньких» построили в каре. Пришли «покупатели». Первым, по традиции, «забирал товар» представитель разведки. Вышел к строю офицер-разведчик и обратился со следующими словами: «Ну, орлы! У нас судьба решается быстро. Или грудь в крестах, или голова в кустах! Но мы вшей в окопах не кормим. Добровольцы! Выходи из строя!» Мы сразу выскочили втроем: Быков, Ефремов, и я. «Покупатель» посмотрел на мой рост: «Ты – назад, вернись в строй, маловат для нас будешь!» Тут и мои друзья, вслед за мной, отошли назад в строй. Разведчик улыбнулся: «Ну, если вы такие верные товарищи, то ладно, беру всех троих». Так я попал в полковую разведку 1025-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии. Командовал полком подполковник Быков. Зимой 1944 года нас перебросили на гатчинское направление.

Сколько человек было в полковой разведке?

Всего 18 человек во взводе. Взводного офицера у нас не было, все распоряжения на проведение операции или разведпоиска мы получали от начальника штаба полка или от его ПНШ-2 (помощника начштаба по разведке). Во взводе бы-

ло несколько «стариков», опытных разведчиков, таких как старшина Коля Березкин. Ленинградец, 1909 года рождения, весельчак и богатырь. Был Витя Солнышкин, мой земляк, еврей, очень интеллигентный человек. Солдатенков, мордвин по национальности, который вскоре погиб. Он всегда вырывал лично для себя укрытие от обстрелов и бомбежек, то есть – отдельную щель. И в такую щель случилось прямое попадание снаряда, от Солдатенкова нашли только один сапог...

Молодое пополнение в разведке чему-то обучали?

Конечно, мы же не имели фронтового опыта. Учили, как надо бесшумно ползти, преодолевать заграждения. Показывали, как снять часового, и когда на тренировке тебя назначали «караульным немцем», то ощущение было не из самых приятных. Показывали, как надо выбить нож из руки в рукопашной схватке, как завалить часового. Но например, как снимать мины, нас не учили, поскольку разведчикам в поиск при необходимости придавались саперы.

Идя добровольно на службу в разведку, Вы осознавали, что «авансом» на свое имя выписываете «похоронку»?

Когда вызвался в разведку, я ничего толком не понимал, не знал, какую фронтовую судьбу я себе выбрал. Просто думал, что это самая почетная боевая служба, и хотелось се-

бя достойно проявить на фронте. А позже, когда постоянно приходилось терять боевых друзей, то настолько стал равнодушным к смерти, что иногда вспоминаю об этом и сам сейчас ужасаюсь. Смерть для нас была естественным состоянием. Всего три измерения в «системе фронтовых координат»: пока живой, уже убитый и раненый. Сама война, эта безжалостная бойня, лишала нас даже чувства жалости к себе и к другим. Я понимал, что отец не переживет, если получит известие о гибели единственного сына. Но долг обязывал идти на задание, в разведпоиск, в атаку, лезть к черту на рога – навстречу смерти и неизвестности. Есть такие слова – Долг и Совесть. Это сейчас их опошлили, испохабили, а тогда они звучали иначе, простые солдаты на передовой воспринимали их с искренней душой. В разведке никого силком не держали, можно было свободно уйти в пехоту, но у нас почти никто не уходил. Вот вы задали вопрос: «Сколько «языков» на личном счету?» А ведь у нас никто такого учета не вел. К чему?! Никто из разведчиков не думал, что выживет... Даже на примере нашей «троицы» – сначала погиб Быков. Потом по второму разу ранило меня. Лежу в госпитале – привозят Ефремова. А продлись война еще немного или если бы меня не комиссовали по инвалидности – обязательно бы убило... Разведчики...

Насколько тщательно готовились разведывательные поиски?

Замечу сразу одну важную деталь. Начиная с января 1944 года, постоянно шло наше наступление, и поэтому задачей полковой разведки в первую очередь были разведка маршрута движения, определение линии соприкосновения с противником и численности его боевых сил. Таких поисков – «...ползем ночью по «нейтралке», прямо через минное поле и ряды колючей проволоки, чтобы захватить «языка» в первой немецкой траншее...» – было немного. Немцы постоянно вели «подвижную оборону», используя заслоны и засады. Только к лету, когда на определенное время линия фронта стабилизировалась и стала сплошной, то передовая приняла «привычный вид» – траншеи, «колючка», минные поля и так далее... Тут уже каждый поиск готовился по классическому варианту. И в одном из таких разведвыходов я был тяжело ранен. Кстати, у нас в 291-й СД дивизионная разведка ходила в поиски еще реже, чем мы, полковые разведчики.

Полковые разведчики имели какие-то послабления в службе?

Отношение к нам было разным, лавровыми венками нас не баловали. Но мы были намного лучше экипированы, чем простая пехота. Ходили в офицерских галифе, в добротных сапогах. Имели связи с тыловиками, осуществляли с ними бартерный обмен – трофеи на всякого вида и рода достойное снабжение. Мы имели репутацию пижонов, ходили с чубами, финками, трофейными пистолетами на ремнях. Но в штабе мы не считались любимчиками. Всегда вырывали для

себя отдельную землянку на отшибе, возле всяких начальников не ошивались. Длительное нервное напряжение настолько изматывало физически, что даже после успешно выполненного задания сдашь пленного в штаб и сразу без задержки к себе – отсыпаться. Для охраны штаба или имени полка нас не использовали. Но меня иногда могли «запрячь», как знающего немецкий язык, переводить на допросе. Я считался бойцом с неоконченным высшим образованием (в стрелковых частях таких было немного).

Кто из взятых в плен немецких военнослужащих Вам наиболее запомнился?

Вы имеете в виду наиболее памятный поиск или «языка»? Понятно... Зимой сорок четвертого немцы отходили, используя тактику «опорных пунктов», которые задерживали наши наступающие части. Наши продвигались вперед поразгильдяйски, открыто шли, без разведки и часто попадали в засады, понеся серьезные потери. В одной такой ловушке, в засаде, организованной между двух холмов, за двадцать минут боя погиб целый полк в соседней дивизии. Был отдан приказ, запрещающий продвижение без детальной разведки маршрута. Комполка Быков был «гробовщиком», мастером лобовых атак, людей никогда не берег и не жалел, всегда гнал батальоны напрямую, без обходных маневров. Впрочем, так поступало большинство командиров его ранга. Но тут Быков нас сильно удивил. Он, не зная обстановки, остановил про-

движение полка и послал вперед три группы по три разведчика, приказал доставить «языка» любой ценой. Помню точную дату этого события – 23/2/1944. Моя группа нарвалась на одиночного немца, отбившегося в сторону от своих отступающих товарищей. Окружили немца в лесу, он отстреливался до последнего патрона. Но мы его грамотно обложили, стали обходить с разных сторон. Залегли на снегу. Шапку из-за сугроба подняли на автоматном стволе, а стрельбы нет! Поняли, что у немца кончились патроны. Вскочили, видим, что он убегает! Подсекли его очередью из автомата, точно по ногам попали. Подбегаем, кричим ему – «Хенде хох!» Немец подраненный, на ногах летные унты, еще подумали, что тут в нашем лесу этот «товарищ из Люфтваффе» потерял? «Жгуты» ему на ноги наложили, взвалили немца на Женьку, он парень здоровый, спортсмен, и пошли к хутору, к штабу ближайшего батальона. Вдруг из-за кустов выходит еще один немец с поднятыми руками, маленький, неказистый. Кричит – «Гитлер капут!» Сдается в плен, на его лице нервный тик, а вдруг пристрелим? Переложили раненого немца на здорового, пришли в штаб. Раненого занесли в дом, сели на пол отдохнуть рядом с пленным. Немец, симпатичный парень, с открытым простым лицом, достал фотографии своей семьи, жены и двоих детей. Мы его еще спросили, не штрафник ли он? Почему воюет в летной экипировке? И тут появляется комполка Быков со штабным переводчиком. Начал немца допрашивать: «Из какой ты части? Сколько народу в полку

и где располагаются ваши подразделения?» Немец ему говорит: «Я не могу отвечать на ваши вопросы, я давал присягу». Быков достал пистолет из кобуры, направил дуло на пленного немца и сказал переводчику: «Скажи ему, что я считаю до трех! Если будет молчать, то я его застрелю!» Переводчик перевел все сказанное слово в слово. Немец смотрел на Быкова, на нас... У меня в эти мгновения даже сердце не екнуло, я подумал, что комполка просто берет пленного на пушку. Да и где это видано, чтобы командир полка лично пленных убивал, «не по Сеньке такая шапка», не его это «царское дело». Пленный «летчик» молча улыбнулся, он не верил до последнего момента, что его сейчас просто так, спокойно убьют на месте. На счете «три» Быков нажал на курок и застрелил пленного, сказав: «Собаке – собачья смерть!» Тело убитого вытащили из дома. Быков спрашивает: «А где ваш второй «язык»?» Мы кинулись на улицу, второй там оставался без серьезного присмотра. Возвращаемся. Смотрим, а с убитого «летчика» кто-то уже унты стянул. Действительно, подумали – «Кому война, а кому мать родна!».. Завели второго на допрос. Оказался кашеваром, пригнанным из тыла на передовую на пополнение. Он ничего толком не знал. Быков решил его не убивать и приказал мне доставить этого пленного в штаб дивизии. Повел я его в тыл, навстречу идет пополнение. Набросились на него с ругательствами: «Ах ты сука!» Говорят мне: «Добей его к е..... матери!» – «Но-но! Воины! Сам в плен немца возьми, потом добивайте! Герои,

вашу мать!» Довел его до штаба целым и невредимым. Вроде все, почти рядовой фронтовой эпизод. Но прошли годы, и бывшее ожесточение к врагу стало ослабевать в моем сердце. Ненависть к немцам прошла... Да, они были звери, но ведь покаялись перед всем миром... И я стал мучиться от одной мысли: ну зачем мы его тогда в плен взяли?! Жил бы он со своей фрау, растил бы своих детишек где-нибудь в Мюнхене или в Бремене... nsp. И надо же было ему нарваться, на такую сволочь, как подполковник Быков! А так, его дети даже не знают, где их отца убило... Да, он был враг, противник, но ведь этот немец был настоящим солдатом, верным своей присяге. И я решил найти его детей, даже точно не помня фамилии немца. Позвонил в посольство ФРГ: так, мол, и так, хочу разыскать родных убитого и помочь им перенести могилу отца в Германию. «Штык в землю, а саблю в ножны». Столько лет уже прошло, хватит одной ненавистью жить, мы им и так многое уже простили. Мне ответили – свяжитесь с таким-то ветеранским комитетом в Берлине, возможно, по спискам боевых потерь частей, воевавших на данном участке фронта, вам удастся восстановить фамилию «летчика», и так далее. Я написал туда запрос, но ответа не последовало. И этот немец до сих пор «не выходит» у меня из головы... И назвать это блажью я не могу...

Кто из разведчиков взвода считался самым опытным и толковым?

Несомненно, Коля Березкин. Это была личность. Героический человек. Помню, шли по шоссе на Красногвардейск (Гатчина). Перед нами уже продвинулись наши передовые части. В каком-то поселке по дороге мы нашли в погребке кой-какие харчи и позже сделали привал прямо в кювете, решили выпить и перекусить, расположившись возле перекрестка дорог. Вечер, темно, метель. Слышим гул танковых моторов, к дороге по «аппендиксу» подходят три танка, «облепленных» десантом на броне. Остановились, заглушили моторы. А в это время по большаку лентой идут колонны наших войск. Березкин решил посмотреть, что это там за танковая колонна. Поднялся из кювета и тут же скатился назад: Немцы!» Он взял на себя инициативу, распределили между разведчиками, кто какой танк атакует, все бойцы достали противотанковые гранаты. По сигналу забросали крайние танки гранатами, а средний был взят целым. Немцев всех побили. Помню, как из танка вытащили красивый ящик, полностью набитый почему-то маникюрными ножницами. Комполка сообщили, что Березкин с группой два танка подбил, а один захватил целым, и командир приказал: «Березкина представить к Герою!» В это время артиллеристы, стоявшие неподалеку на привале, узнали, что у перекрестка происходит какая-то заваруха с танками, и с ходу шарахнули из орудия разок по среднему танку. Наше счастье, что они успели выпустить всего один снаряд и нас не задел. Но все три танка артиллеристы записали на свой счет. Разбираться с ними

и искать правду никто не стал, на войне это дело бесполезное. Березкину вручили только орден ОВ 1-й степени. В Гатчине на Колю дружно набросились корреспонденты из разных газет. Приходили фоторепортеры, пытаясь сделать портрет для газеты – «Николай Березкин – русский богатырь». Они требовали от Коли «сделать» мужественное беспощадное лицо, изобразить «ненависть к врагу», а он не мог, только корчил рожи, а мы катались по полу со смеху.

На какую глубину по фронту уходили на задание полковые разведчики?

Был случай, что мы оторвались от наших передовых частей на десять километров. Я был старшим разведгруппы. Идем осторожно по лесному массиву и ближе к вечеру видим целую большую деревню, прямо среди леса, перед нами. Тихо, даже собаки не лают. Подошли к крайнему дому, постучали в окно. Дернулась занавеска. Мы говорим: «Свои, русские. Открывайте!» Группа в маскхалатах, но на шапках красные звездочки. Собрался народ. Вышел поп-батюшка, перекрестил нас и сказал: «Это славные сыны многострадальной России!» Зашли к нему в дом. Появился какой-то парнишка, лет шестнадцати от роду, русоволосый красавец, спрашивает: «Кто старший?» – «Я». – «Немцы в соседней деревне, в трех километрах отсюда». – «Как тебя зовут?» – «Володя». – «А партизаны рядом есть?» Парнишка на мгновение задумался, а потом кивнул: «Я проведу». Появился Бе-

резкин с большим чугуном картошки с мясом. Поели, пошли ночью к партизанам. Отряд – человек сто двадцать. Спрашиваем командира: «Рация есть?» – «Рация-то есть, только питание к ней давно закончилось. Вот вам, бойцы, землянка, ложитесь пока отдыхать». Только мы расположились, как часа в три ночи – тревога! Немцы: каратели идут в направлении партизанского лагеря от села Гридино. Командир отряда обратился к нам: «Разведчики, вы опытные люди, помогите, прикройте отход!» – «Что надо делать?» – «Перекройте дорогу к лесу». – «Проводника дашь?» – «Володька ответит». – «Здесь, где немцы продвигаются, на подходе есть ровный участок местности?» – «Есть, метров сто, там раньше дорогу строили». Мы заняли оборону в этом месте. Залегли в кустах у дороги. Немцы идут чуть ниже нас. Пропустили разведку, подождали, пока вся колонна втянется на дорогу, и забросали немцев гранатами. Начался бой, мы отстреливались. Потом бегом отходили к повороту на партизанский лагерь. Володя как-то определил, что партизаны уже отошли на запасную стоянку, и мы разделились. Он юркнул в болото, а мы рванули дальше, ушли без потерь. После войны, через сорок лет, когда ностальгия по военной молодости захлестнула сердца многих бывших фронтовиков, я из Волгограда написал письмо в Гатчинский горком комсомола, хотел найти Володю. Мне ответили из военно-патриотического отдела горкома: «Может, вспомните фамилию или еще какие-то детали? Были ли это партизаны из 11-й бригады?» А что я мог

знать: парня зовут Володя, где-то пересекали дорогу на деревню Гридино, а номер партизанского отряда или бригады уже не помнил, партизанский начальник говорил мне его той ночью, но я запомнил. Завязалась переписка, мое письмо опубликовали в гатчинской газете, я подключил волгоградских пионеров-поисковиков. Володя нашелся, но эти пионеры написали ему письмо в очень грубом тоне, мол, докажи нам документами, что именно ты «партизан Володя» и был в том ночном бою, так он оскорбился и больше на связь не вышел... Потом пионеры-поисковики приходят ко мне на работу, на завод, и говорят: «Леонид Евсеевич, мы вашу просьбу выполнили, Володю нашли, он помнит вас и Березкина, но у нас во время летних каникул был ремонт в школе и вся переписка и адрес партизана куда-то затерялись!» Мне потом директор школы рассказал, что там Володе эти юные гиперактивные остолопы написали. Я бы тоже оскорбился...

В Вашем взводе были случаи трусости?

Трусости как таковой не было, но были другие моменты, такие, что я даже затрудняюсь дать им точное определение. У нас служил разведчик по фамилии Ярхо (Ярхо). Здоровый парень, бывший спортсмен. Допустим, гонят нас в ночной поиск, требуют срочно, кровь из носу, взять «языка», так Ярхо нередко заводил свою привычную шарманку: «Ребята, у меня нога подвернулась», или еще что-то внезапно заболело... Сачковал он периодически, но из взвода его не

выгоняли. Вдруг весной 1944 года Ярхо вызывают в штаб, он вернулся и рассказывает: «Завтра уйду из полка. Меня отзывают в Ленинград, на спортивные соревнования». Мы сначала не поняли, какие могут быть соревнования во время войны, но оказалось все точно и правильно, есть такое дело... Но Ярхо был назначен на сегодняшний ночной поиск, в группу захвата. Говорим ему, сегодня в поиск сходишь, а завтра дуй в Ленинград. Ярхо: «Но так неправильно поступать! А вдруг меня сегодня убьет?!» А у нас какие-то смешанные чувства от зависти до неприятия самого факта, что «записной сачок» будет крутить в тылу «солнышко» на турнике, находясь на усиленном калорийном пайке, а мы будем за него воевать и погибать... И разведчики ему сказали: «Ничего с тобой не случится. Сходишь напоследок в поиск, потом с тренером впечатления поделишься». Он сник... Мы тоже смутились, мол, пусть наш главный, старшина Дубина решает. К нам на взвод пришел опытный разведчик, старшина по фамилии Дубина, человек без каких-либо чувств, эмоций и никогда не испытывавший страха. Действительно – «дубина». И старшина рявкнул: «В поиск!» Ночью поползли, и уже прямо перед немецкими окопами нас обнаружили, в небо взлетели осветительные ракеты, и по нашей разведгруппе стали бить из всех стволов. Мы прижались к земле, и тут Ярхо вдруг вскочил в полный рост и был моментально перерезан пулеметной очередью. Мы отползли, вытаскивая с собой его труп. И когда хоронили Ярхо, то разведчики

сильно переживали о случившемся. Ведь получается, что это мы невольно толкнули его к гибели... Почему не позволили остаться и не участвовать в поиске?! Вот она – судьба...

Многие бывшие разведчики в беседах упоминают следующий факт: они утверждают, что немцы редко ходили в разведывательные поиски, что активность немецких разведгрупп была на несколько порядков ниже, чем у наших, которых гоняли в поиски чуть ли не каждый божий день. Вы согласны с подобным утверждением?

Да. Немцы редко лазили в разведку. Им это было ни к чему, они и так многое знали. И главное, немцы прекрасно отдавали себе отчет, что простой рядовой пехотинец в первой передовой траншее знает очень мало, и полученная от такого языка информация ничего толком не прояснит в оперативно-тактическом плане. Ну что знал рядовой боец Красной армии? Пехотинец от силы мог знать фамилию взводного, а для большинства командир роты уже определялся как «старший лейтенант, рыжий такой, с рябым лицом» – или – «был у нас ротный, пожилой мужик». Штаб – «где-то там», месторасположение – «где-то в Псковской области». Так зачем было немцам рисковать и ломиться в передовую нашу траншею? Их группы действовали у нас в тылу, на отдалении нескольких километров от переднего края, пытались взять штабных офицеров или связистов.

Как награждали разведчиков?

Я не помню каких-то особых наградных ритуалов. Зимой сорок четвертого вручили в штабе медаль «За отвагу», весной меня наградили орденом Отечественной войны 1-й степени, а в июне получил орден Славы 3-й степени. Мы даже толком не ведали, за какой поиск конкретно наградили. Как-то мы, разведчики, захватили штаб немецкого батальона со всеми штабными документами, и нам за это дело посулили большие награды, но именно за этот эпизод никого ничем не отметили. В августе лежал в госпитале на Валдае, так по палатам ходили политруки, выясняли, кто сколько раз ранен и чем награжден ранее. Тех, кто не имел наград, сразу представляли к регалиям, заполняли наградные листы на месте. Мне сказали: «Ты хоть второй раз ранен, но у тебя и так три правительственные награды. Так что извиняй. Про таких, как ты, – распоряжений не поступало»...

Когда Вас в первый раз ранило?

В мае сорок четвертого года. Мы тогда входили в состав 2-й Ударной армии. Поползли к немецкой траншее, и мы, четыре человека, группа захвата, затаились в «канавке» перед последним броском. Вскочили, чтобы перебежать вплотную, немец-часовой нас заметил, дал по нам длинную очередь. Сразу двое раненых. Мне пуля попала в левую ногу. Упали, отползли назад по овражку, через заросли бурьяна.

Ребята прикрыли нас огнем. Ранение оказалось легким, провел две недели в санбате и вернулся в полк.

А последнее ранение?

14/7/1944. В день моего рождения. Нам приказали взять «языка» любой ценой. Немцы засели на лесистых холмах, приготовили укрепленные оборонительные рубежи. Чтобы обеспечить наш успех, слева от нас пустили разведку боем, сделали отвлекающий маневр. Человек 150 молодых ребят, из недавнего пополнения 1926 года рождения, на рассвете пошли в атаку, через минное поле. Мы видели, как они погибают, подрываются на минах. Перед выходом в поиск старшина проверил, что на нас нет документов, что ничего не звенит из амуниции. Налили по сто граммов. Это было у нас традицией – перед поиском давали выпить спирта. Я попросил добавки: «Налейте еще!» Товарищи удивились: «Ленька, что с тобой, ты же вроде не любитель». Отвечаю: «У меня уважительная причина выпить еще. Сегодня мой день рождения. Последний раз праздную...» Ребята сразу: «Так ты сегодня не пойдешь! Поменяешься с кем-нибудь, потом «должок вернешь», заменишь кого-нибудь в следующем поиске!» У нас было одно суеверие – никогда не прощаться с друзьями перед выходом в поиск, а тут у меня возникло с трудом сдерживаемое желание сказать всем разведчикам взвода – «Прощайте навеки, товарищи...» Я подумал, предчувствие было нехорошим, был убежден, что сегодня меня убьет, но

ответил: «Меняться не буду. Если заменщика сейчас убьют, считай, что двоих потеряли, как я после этого жить смогу?!» Поползли вперед, впятером, по намеченной тропке. Подползаем к «колючке», а обещанного прохода в проволоке – нет! Подвел нас сапер... У нас даже ножниц для резки проволоки с собой не было. Мы остановились в замешательстве. А слева от нас бой идет, люди погибают на минном поле. Двое товарищей приподняли нижний ряд «колючки», и я нырнул под нее, метнулся вперед к траншее. И тут, будто ломом по ноге ударило, что-то потекло по ней, и нога онемела в одно мгновение. Кричу ребятам по ту сторону «колючки»: «Киньте обмотку!» Мы всегда брали с собой обмотку, чтобы пленного языка связывать. Намотал край обмотки за руку, товарищи меня потащили назад, весь оборвался об проволоку. Это снайпер меня заметил и «сработал». Вытащили меня к своим, и тут на нас набросился капитан, ПНШ – по разведке: «Где «язык»?! Почему немца не взяли?! Трусы! Е. вашу мать!» Он, никогда в разведпоиски сам не ходивший, оказывается, увидел в бинокль, что тянут кого-то по ложбинке, и сразу доложил по полемому телефону в штаб: «Язык взят!» И когда он увидел, что вместо «языка» приволокли меня, раненого, то стал орать и материть нас, и обвинять меня, старшего в поиске, и моих разведчиков в преднамеренной трусости. Я психанул, вытащил «парабеллум» из кобуры, хотел пристрелить капитана, говорю ему: «Сейчас я тебя, сучий потрох, за.....!», но ребята накинулись, отобрали пистолет

со словами: «Плюнь ты на это дерьмо! Не марайся об эту падаль!» Принесли меня в санбат дивизии, а там «конвейер». Врач посмотрел на ногу: «Надо ампутировать!» Я отказался, лучше помереть, чем на костылях остаток жизни провести. Меня перенесли в сторону. Пришел санбатовский «особист»: «Что ты артачишься! Зря ты так. Пустое все это. Будет у тебя хороший протез!» Я – ни в какую, не соглашаюсь. Так меня просто перенесли в соседний сарай, кинули там на нары, и никто вообще ко мне не подходит! Остаюсь в сознании, но крови много потерял, меня мутит, чувствую, что скоро впаду в небытие. Сполз с нар, у меня из кармана галифе санитары не вытащили гранату, с ней дополз до выхода из сарая и заорал: «Почему никто не подходит!!! Разнесу всех к е... матери!» Сразу стали обрабатывать рану, потом по «узкоколейке» отправили в тыл, и доехал я до госпиталя в Валдае. Старый хирург осмотрел меня и сказал: «Ай-яй-яй! И такую ногу хотели оттяпать! Терпи, сынок, постараюсь твою ногу спасти». Обезболивающих не было, так хирург просто резко рванул «жгут» из раны, у меня аж искры из глаз посыпались. Пролежал два месяца в госпитале. Возвращался после выписки на фронт с маршевым пополнением. На подходе к передовой попал под бомбежку. Бомба разорвалась совсем рядом, и я потерял сознание. Потом рассказывали, что когда меня откопали, то сочли за убитого и отнесли в сторону, где отдельно складывали «мертвяков» для погребения, да кто-то перед самым захоронением заметил, что я вроде дышу...

Лежал в госпитале в Пскове, сам ходить не мог. Говорить не мог, слова застревали в горле, и меня начинало трясти мелкой дрожью. Через несколько месяцев меня комиссовали из армии как инвалида 2-й группы по статье № 95. И прошло еще немало лет, пока я снова смог спокойно ходить и разговаривать. После демобилизации и последующей учебы я оказался в Волгограде. Там поселился и работал до пенсии на металлургическом заводе «Красный Октябрь».

Кто-то из Вашего взвода полковой разведки выжил на войне? Кого-то встречали?

Только Ефремова, своего друга. После войны он жил в Донбассе. А тогда, в конце 1944 года, раненого Толю, смелого разведчика, тоже привезли в псковский госпиталь, и мы благодаря этому счастливому стечению обстоятельств встретились. Он рассказал, что лежал по ранению в санбате, а в это время весь взвод разведки 1025 СП ушел во главе со старшиной Дубиной на задание в немецкий тыл, и никто живым не вернулся... Вечная память погибшим в боях за Родину!..

Интервью и лит. обработка: Г. Койфман

Белоклоков Анатолий Ермолаевич

Анатолий Белоклоков, 1945 год

Родился я 8 февраля 1926 года в Башкирии. Была такая деревенька Гумбетово в Федоровском районе. Мама рожала много раз, но несколько детей умерли еще в младенчестве, и нас осталось четверо: сестра Феня, я, Катя да Ефим.

Белоклоков А.Е. (1942 г.)

Семья была крестьянская, и до того как началась коллективизация, жили мы крепко. О том, как нас раскулачивали, можно целую книгу написать, но я не хочу об этом вспоминать... Когда отобрали и землю и скот, отец категорически отказался вступать в колхоз, и мы переехали в Стерлитамак. Вначале отец работал плотником на лесозаводе, а потом стал рубщиком мяса в «Базаркоме».

Как Вы узнали о начале войны?

Были летние каникулы, и мы с друзьями на лодке доплыли по Белой до самого Белорецка. И лишь когда вернулись назад, мать мне сказала. Но я даже не удивился, ничего. Нам-то, пацанам, чего?

Осенью, как обычно, пошли в школу, я в 14-й учился, но где-то в октябре к нам пришли из ремесленного училища при станкостроительном заводе имени Ленина, только что эвакуированного из Одессы. Стали агитировать поступать к ним, и я сразу вызвался: «Я хочу!» А парень я был хулиганистый, верховодил нашими пацанами, и за мной еще ребят десять подались. Нас всех зачислили и направили в 5-й цех.

Сперва работал шабровщиком, станины шабровал, но вскоре меня перевели слесарем-сборщиком. Но и моторы скоростей я недолго собирал, потому что уже в декабре, что ли, нас собрали в отдельную команду и отправили в деревню

Куганак – возить дрова, чтобы топить цеха. Выдали салазки на лыжах, с которыми мы ходили километра за четыре-пять. Там в лесу уже стояли заготовленные дрова, а мы их просто грузили на салазки и везли назад. По полкуба вдвоем перетаскивали на полустанок в Куганаке и складывали там в поленицы. Каждый день так делали по три-четыре ходки. Всю зиму собирали, а потом подогнали пять пульманов, нагрузили и отвезли на завод.

Немного поработали на заводе, но угля почти не было, кузницу топить нечем, поэтому опять собрали всю нашу группу и отправили в Караганду – уголь грузить. Двадцать человек нас было, а старшим назначили одессита по фамилии Вассерман. И летом 42-го мы там проработали несколько месяцев. Там этого угля были целые горы. Вагон подгоняли к ленточному транспортеру, а мы по два человека совковыми лопатами с двух сторон закидывали. Если не ошибаюсь, за смену нагружали один вагон. Но работали тяжело, а кормежки почти никакой, баланда одна... Нам всем выдали постельные принадлежности: одеяло, подушка, матрац, простыни, так мы их сразу обменяли на еду. Но через какое-то время меня сам мастер отвел в сторонку и говорит: «Ребята, бегите домой, не то все здесь подойдет!» И мы все разбежались...

Как я добрался до Челябинска, даже не помню. По-моему, еще все вместе. А вот оттуда уже кто как мог. А я там на вокзале сошелся с местными воришками. Туда-сюда, по-

знакомились: «Ну, как там жизнь в Стерлитамаке?» – «Жить можно». И один из них дал мне ключ. Я на остановке дверь вагона открою, мои ребята нырк туда, попрячемся кто где, пока поезд не двинется, а там уже разбирались. Вот так добрались до Уфы, а оттуда до Стерлитамака уже легко. Правда, тогда я чуть не погиб. Ехал на крыше вагона, трубу обнял и уснул. А проснулся оттого, что меня крепко тряхануло, еще бы чуть-чуть и точно бы скатился...

Мы тогда жили за Ашкадаром и помню, приехал домой утром, тут как раз и соседка пришла. Стою на пороге и слышу через дверь, как она спрашивает родителей: «А как там Толик?» Тут я дверь открываю, мать с соседкой чуть в обморок не упали...

Из Караганды-то мы все вернулись, но на завод решили не возвращаться, потому что фактически сбежали оттуда, да еще и продали казенное белье. Но нас стали вылавливать, и многих из наших тогда посадили. По шесть месяцев давали... А к нам домой раз пришли, другой, но всякий раз я успевал спрятаться. Отец в то время уже работал завхозом в одном из госпиталей, и я там у него среди раненых скрывался. Но сколько так можно было бегать? И в один момент я сказал отцу: «Лучше в армию пойду, чем в тюрьму!» Отец через начальника госпиталя вышел на людей в военкомате, мне выписали повестку, и помню, что на 23 февраля оказался в Тоцких лагерях.

Личный состав 112-го ОРАД

Вначале я попал в Алкино, это под Уфой. Там находился большой пересыльный пункт, и постоянно приезжали за солдатами «покупатели». Помню, приходил набирать один моряк, а мне очень хотелось во флот, но не взяли. А попал я в учебный разведывательно-артиллерийский полк, и в этом 6-м УРАПе пробыл месяца три, наверное. Ох и натерпелись мы там... И голодали, и мерзли, я даже палец на ноге отморозил. Ботинки-то выдали тесноватые, вот и отморозил...

А голодали так, что я даже шинель у командира полка стащил. Как-то послали нас двоих к нему на квартиру ремонтировать свет. На стуле висела шинель, и когда уходили, я ее прихватил и поменял у бабки из ближней деревни на двадцать пирожков. Два дня их ел, но меня, конечно, быстро вычислили и посадили на пятнадцать суток на гауптвахту. Хорошо еще, что дали простого ареста, а то по строгому баланду таскали только через день...

Какое-то время отсидел, и тут ребят с нашей батареи поставили в караул. В один день они пришли ко мне и говорят:

«Толя, там пришел какой-то капитан, набирает на фронт!» Я упросил старшину – он меня отпустил и пошел, и вместе со всеми встал в строй. Все училище там выстроили. А капитан со списком ходил вдоль строя, смотрел и указывал: «Этого! Этого! Этого!» А я же почти все пятнадцать суток уже отси-дел, меня шатает от ветра... Он дошел до меня, развернул-ся и пошел. Я сразу расстроился, эх, опять не взяли, опять голодать... Но капитан прошел немного, вернулся и показал на меня: «И этого!»

122-мм орудие 112-го ОРАД на позиции у г. Альтдам (из личного архива)

И всех, кого он отобрал, перевезли в Гороховецкие лагерь, где находилась четыреста какая-то разведшкола, и там нас очень интенсивно тренировали месяца три. Учились ползать, маскироваться, часовых снимать. Карты изучали, ориентиры, хорошо учили, по-настоящему. Если в Тоцких было больше теории, то здесь уже больше практики. Правда, кормили там тоже паршиво. Опять эта ненавистная баланда, в которой плавают кусочек картошки и одна лапшичка... Поэтому бывали случаи, что ребята умирали от голода... Мне два раза родители прислали по 300 рублей, но разве это поможет? Стыдно признаться, но даже по помойкам шастал...

Наконец погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Привезли в Оршу, расположились в больших землянках. Там, кстати, произошел забавный случай. Как-то к нам туда с проверкой приехал какой-то высокий чин, чуть ли не маршал. Высокий такой. А я как раз дежурным был, на улице подметал, и когда увидел их группу, то побежал вниз, думал, хоть предупрежу напарника. Но не успел. Они зашли, а он как раз лазил под нарами и выметал мусор, только ноги торчали. Тут как раз все это офицерье заходит, один из них пинает его за ногу: «Чего там делаешь?» А он оттуда: «Да вот, мусор выметаю, какой-то х... должен приехать... Все накидали, а я убирай!» – «А ну-ка вылазь!» Он высунулся и сразу все понял... Но ничего ему не сделали, сам маршал сказал: «Ничего, всяко бывает! И еще хуже случается».

В какую часть Вы попали?

Весь наш выпуск включили в состав 112-го ОРАД – отдельный разведывательный артиллерийский дивизион.

Какими были задачи дивизиона, его состав, структура?

В дивизионе было по одной батарее 152-мм и 122-мм орудий, но главной нашей задачей была разведка. Мы должны были обнаруживать цели для нашей артиллерии и определять их координаты. Поэтому в штате и топоразведчики были, и фоторазведчики. Их возили над передовой на «кукурузниках», а они снимали. Если не ошибаюсь, дивизион подчинялся штабу 6-го Артиллерийского корпуса РВК, который постоянно перебрасывали на самые нужные направления по всему 1-му Белорусскому фронту. Командовал дивизионом майор Фролкин. *(На сайте www.podvig-naroda.ru есть выдержка из наградного листа, по которому майор Фролкин Павел Григорьевич 1905 г.р. был награжден орденом Александра Невского: «Командир 112-го Отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона майор Фролкин проявил себя всесторонне развитым офицером. В боях на плацдарме на реке Одер и в боях за Берлин, выполняя под его командованием задачи по разведке огневых средств противника, дивизион разведаль координаты 89 артиллерийских и минометных батарей и 46 отдельных орудий, из которых 73 батареи и 9 отдельных орудий были подавлены огнем нашей*

артиллерии. Тем самым 112-й ОРАД содействовал нашим наступающим частям в успешном проведении операции по взятию города Берлин».)

Бойцы 112-го ОРАД

А меня назначили старшим звукометристом при 1-й батарее. Мы занимались тем, что на звукопостах с помощью специального оборудования засекали позиции немецких артиллерийских батарей. Но дело в том, что у нас во взводе разведки организовали две группы «лазутчиков» и старшим одной из них назначили меня. Поэтому в основном я был в «лазутчиках». Время от времени ходили в тыл к немцам,

приходилось и «языков» таскать.

Если можно, об этом поподробнее.

Бывало, придет начальник разведки дивизиона: «Старшой, нужен язык!» А если он повторит: «Нужен особый язык!», значит все, нужно непременно офицера тащить. Но вначале к немцам не лазили, потому что наступали хорошо, а «языки» нужны только в обороне. А как только линия обороны стабилизируется, вот тут уже начинали лазить. Почти всегда мы ходили нашей группой. Пятеро нас было. Во-первых, наша радистка – Янина по фамилии Корпусь, что ли. Но мы ее Ольгой звали, это был ее позывной. Она отлично знала немецкий язык и вообще была на редкость боевая девчонка. Белоруска или латышка, она после войны в Минске жила на улице Ленина дом 87 или 89. Как-то раз я поехал к ней в гости. Назвал таксисту адрес, смотрю, а он так с опаской покосился на меня. Оказывается, это был ведомственный дом КГБ. Ее муж был каким-то офицером, но погиб в авиакатастрофе, когда летел с делегацией в Чехословакию.

«Мышонком» мы звали парня по фамилии Минуллин, что ли. Деревенский парень откуда-то из-под Казани. Маленький, но невероятно шустрый. Чуть ли не в ногах у часовых ползал, и те его не замечали. Бывало, кинжалом ранит немца, свалит, тут и мы наваливаемся, хватаем и тащим его. После войны он ко мне раза три в гости приезжал.

«Следопытом» мы прозвали сибиряка Колесникова, пото-

му что он был потомственный охотник из Забайкалья и умел совершенно бесшумно ходить. Всегда пускали его вперед, а сами шли чуть позади. А хохла Гришу Хлопчука мы прозвали «верблюдом». Потому что он хоть и был такой же молодой, как и все мы, но был такой здоровенный парень, что мог таскать на себе «языков».

А разве немцы сами не шли?

Обычно ведь как? Придушишь немца, и пока он не очухался, его пер на себе «верблюд». А как очухается, уже, конечно, сам.

А у Вас самого было какое-то прозвище?

Меня после одного случая прозвали «Пан». Уже где-то за Брестом мы форсировали какую-то речушку. А по ту сторону находилась польская деревня, и мне приказали разведать, что там. Вдвоем с Матюхиным пошли туда. Переправились, полазили там, нашли одного мужика, вроде все тихо. Захожу в сарай, а там стоит серый жеребец, мощный такой жеребчина. И карета. Но я же не деревенский, обращаться с лошадьми не умел, попросил напарника: «Запряги, давай!» А сам нашел там польскую шляпу, у нее торчали кистички такие, вроде как перышко. В общем, надел шляпу, натянул какой-то мундир, сел в эту коляску, а Матюхин на козлы. Так к своим и приехали. А ребята как увидели нас, стали кричать: «Пан приехал! Пан приехал!», вот отсюда и пошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.